

Pobłocki G. Słownikzek Kaszubski z dodatkiem idiotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chełmno, 1887.

Strykowski 1846 — Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego <...> z roku 1582. T. 1. Warszawa, 1846.

Warsz. — Słownik języka polskiego / pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. T. 1–8. Warszawa, 1900–1927.

DOI 10.31168/7996-2700-3.5

М. В. Ахметова

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия
malinxi@rambler.ru

Катойконимы в метаязыковой критике: нормативность, традиционность и историчность

В докладе на материале полевых записей, газетных публикаций, а также блогов, форумов и социальных сетей интернета рассматриваются некоторые мотивы, связанные с представлениями носителей языка о языке и касающиеся обсуждения вариантных катойконимов (например, *тамбовцы / тамбовчане* и др.). Осмысление того, какая из вариантных номинаций является «правильной», какую следует употреблять, задействует аргументацию, связанную с представлениями о правильности речи, а также об истории языка, его развитии и функционировании. Высказываемые по этому поводу суждения в целом стереотипны и сами по себе не специфичны для обсуждения катойконимов. На характер полемики часто оказывает влияние коллективная историческая память, в том числе локальная.

Во-первых, метаязыковые рассуждения задействуют к р и т е р и й (н е) н о р м а т и в н о с т и. Те или иные вариантные номинации квалифицируются как речевые ошибки, как проявление недостаточной образованности и сопоставляются с самыми разными отклонениями от условного языкового стандарта (сленг, диалектная речь, просторечие, канцелярский стиль, нарочитое искажение речи), а также с иноязычием. Ср., например, широко распространенную идею о том, что номинации

© Ахметова М. В., 2019

типа *орловчане*, *тамбовчане* (вместо *орловцы*, *тамбовцы*) появились под украинским или тюркским влиянием, или представление о том, что номинация *улан-удинцы* (вместо принятого в Бурятии *улан-удэнцы*) обусловлена результатом неверного чтения записанного латиницей ойконима *Улан-Удэ* (см. высказывание мэра Улан-Удэ в газете «Информполис», 28.11.2011).

При этом сама по себе оценка вариантных номинаций при помощи их отнесения к разным разновидностям языка и стилям речи не носит абсолютного характера. Так, названия жителей Старой Руссы *рушане* и *старорусцы* в рассуждениях информантов (полевые записи 2017 г.) могут противопоставляться по принципу «народное (разговорное, просторечное, диалектное, “местечковое”) vs. официальное (“официозное”, “канцелярское”)), при этом оценки каждого из элементов данной оппозиции могут быть полярными и зависят как от того, какую из номинаций предпочитает употреблять говорящий, так и от его идеологических установок. Негативный полюс восприятия номинации *старорусцы* как «официальной» состоит в ее оценке как «канцелярского штампа», связываемого с языком советских газет; позитивный — в представлении о том, что именно она должна употребляться в СМИ и публичной речи (в отличие от «просторечной / диалектной» номинации *рушане*). Аналогичным образом суждения о номинации, оцениваемой как «народная», связаны с полярными коннотациями понятия «народ» (для одних носителей языка это малограмотность и невежество, для других народ — аккумулятор национальной культуры).

Во-вторых, значимым оказывается критерий (не)традиционности, который также понимается двояко.

С одной стороны, в соответствии с характерным для наивных рассуждений о языке принципом «стихийного антиисторизма» [Лебедева, 2008, 298] (изменения языка воспринимаются как порча) заведомо «правильными» могут объявляться варианты, возникшие хронологически раньше. Это инспирирует апелляцию к историческим памятникам, классической литературе, произведениям писателей — местных уроженцев (употребление ими того или иного варианта однозначно свидетельствует в пользу его «правильности»), а также к авторитету институций, связанных с хранением и трансляцией коллективной исторической памяти (музеи, краеведческие сообщества и др.). Примечательно, что в связи с этой логикой более раннее происхождение может

приписываться релевантным для говорящего номинациям, возникшим фактически позднее, в XX в., ср.: «до революции вот, в тридцатые, не было “тамбовцев”, были “тамбовчане”» (полевая запись 2013 г.).

С другой стороны, предпочтения говорящего могут подкрепляться обращением к неинституализированной исторической памяти, к словоупотреблению, характерному для родственников говорящего, людей из его круга общения или авторитетных горожан. В этом аспекте критерий «историчности» оказывается нерелевантным; более того, «институты памяти» сами по себе могут подвергаться критике.

Лебедева Н. Б. Метаязыковое сознание участников интернет-коммуникации (общезыковые аспекты) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика / отв. ред. А. Н. Ростова. Кемерово ; Барнаул, 2008. С. 297–310.

DOI 10.31168/7996-2700-3.5

А. К. Байбурин

Европейский университет
Санкт-Петербург, Россия
abaiburin@yandex.ru

ФИО: к истории именной формулы

В письменной традиции досоветского времени было принято именовать человека в последовательности «имя — отчество — фамилия». Такая последовательность применялась в официальной сфере независимо от социального положения и других характеристик личности. Это же правило распространялось на сокращенный вариант именованного — инициалы ставились перед фамилией, но никак не после.

При рассмотрении советских документов бросается в глаза изменение последовательности элементов именной формулы. Прежняя устойчивая последовательность (имя — отчество — фамилия) начинает меняться на новую: фамилия — имя — отчество (ФИО). В Инструкции по заполнению паспортов от 26 января 1933 г. дается следующее разъяснение: «Фамилия, имя, отчество пишутся полностью. Проставление имени, отчества инициалами (первыми буквами) запрещается. Причем